

А.В. Амфитеатров

Сестры

Роман первый - Гнездо

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А63

А63 **Амфитеатров А.В.**
Сестры: Роман первый - Гнездо / А.В. Амфитеатров – М.: Книга по Требова-
нию, 2014. – 420 с.

ISBN 978-5-517-98413-5

ISBN 978-5-517-98413-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТЪ АВТОРА .

Романъ-хроника «Сестры» основанъ на подлинныхъ запискахъ русской артистки, оперной пѣвицы, названой въ романѣ именемъ Марьи Павловны Урошичъ. Подъ этимъ именемъ мы и будемъ ее знать. Записки свои она передала мнѣ вмѣстѣ съ пояснительною частью своего семейнаго архива, разрѣшивъ воспользоваться ими по усмотрѣнію. Запискамъ, по множеству затронутыхъ въ нихъ живыхъ лицъ всякаго званія, сословія и состоянія — отъ рублища до короны, — врядъ ли суждено увидѣть свѣтъ раньше будущихъ тридцатыхъ, а то и сороковыхъ годовъ. Ожидающему ихъ систематизатору онѣ дадутъ много хлопотъ, такъ какъ представляютъ собою груду бумажныхъ клочковъ, исписанныхъ беспорядочными отрывками на трехъ языкахъ — русскомъ, французскомъ и итальянскомъ — съ одинаково произвольною орѳографіей, которую сама артистка имѣетъ обыкновение опредѣлять весьма юмористически, и, часто, съ убійственны-

ми сокращеніями словъ и фразъ¹⁾. Цѣлыя страницы покрыты гіероглифами блѣдной карандашной скорописи, значеніе которыхъ иногда исчезло уже изъ памяти самой мемуаристки и, слѣдовательно, теперь врядъ ли расшифруетъ ихъ даже профессоръ Никольскій, такъ хорошо разбирающій каменные рукописанія древнихъ обитателей страны Урарту.

Записки распадаются на три части. Изъ нихъ первая, обнимающая юные годы М. П. Урошичь до ея замужества, послужила мнѣ матеріаломъ для «Сестеръ». Вторая содержитъ исторію не совсѣмъ счастливаго супружества Марьи Павловны и ухода ея изъ семьи на сцену. Третья — самая обширная — посвящена ея театральнымъ воспоминаніямъ.

Первая глава «Сестеръ» — «Медвѣжіи Уголь» — изложена настолько близко къ разсказу М. П. Урошичь, что при первомъ печатаніи этого отрывка, въ

---

¹⁾ Напримѣръ, — даже съ выправленною уже орфографіей и со словами, раздѣленными для ясности точками:

„Дядя Нефт. К под. див. прят. К) с. кр. Тка на м. пох. под. клч. л. лаз. ящ. Со. м. Ст. усп. сгв. Без. него. прп. Сдр. но сдѣл. Евг. взб. крч. переметна сума. Усп. ост. сл. пр. проч. комп. подсуд. Всѣх. над. Щедр. Іуд. Евл. Хар. взял. восп. птом. люб.“... И т. д.

Что, по расшифровкѣ, сообразной другимъ, болѣе яснымъ странцамъ, должно обозначать:

„Дядя Неофитъ. Какъ подъ диванъ прятался. Консистерская крыса. Тетка на маминыхъ похоронахъ подобрала ключи, лазилъ въ ящики. Соломонида Степановна успѣла (съ дядей) сговориться. Безъ не о пронали бы. Содралъ, но сдѣлалъ. Евгения взбѣсилась, кричала (на дядю): „переметная сума“. Успѣлъ оставить службу прежде, чѣмъ прочую компанію (отдали) подъ судъ. Всѣхъ надуть. Щедринскій Іудушка. Евлампію, Харитину взялъ (на) воспитаніе, (а) потомъ (въ) любовницы“... И т. д.

сокращенномъ видѣ, я далъ ему подзаголовокъ: — «Человѣческой документъ». И, дѣйствительно, мнѣ въ «Медвѣжьемъ углѣ» принадлежатъ только: группировка эпизодовъ и заполненіе проваловъ между ними логическою и хронологическою связью, расширение нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей и драматизація, т.-е. обращеніе кое-гдѣ повѣствованія въ дѣйствіе и разсужденій *a parte*, до которыхъ М. П. Урошичъ большая охотница, въ діалоги и сцены. То же самое я могъ бы сказать и о всѣхъ остальныхъ главахъ, но въ нихъ готовый лѣтописный матеріалъ былъ гораздо скуднѣе по количеству и почти совсѣмъ уже не обработанъ, а потому романъ получилъ болѣе свободы и чаще беретъ верхъ надъ хроникою. Къ вымыслу въ точномъ значеніи этого слова мнѣ и не хотѣлось, и не пришлось прибѣгать. Но я считалъ себя правъ, когда мнѣ казалось умѣстнымъ, обращаться тому привычному мнѣ собирательному методу, которымъ характеризуются «Викторія Павловна», «Восьмидесятники» и, вообще, мои сочиненія въ беллетристической формѣ. То есть — если я видѣлъ намекъ на интересный типъ въ разсказѣ М. П. Урошичъ, я дополнялъ и выяснялъ его чертами изъ аналогичныхъ «человѣческихъ документовъ», буде они имѣлись у меня лично или я могъ найти ихъ въ соотвѣтственной достовѣрной литературѣ. Какъ примѣръ, укажу на главу «Сестра Елена», гдѣ я использовалъ, для декорации, обстановку и бытъ одного парижскаго дома, принадлежавшаго и, кажется, еще принадлежащаго особѣ, украшенной громкимъ аристократическимъ именемъ, которая не имѣетъ, конечно, ничего общаго съ Еленою

Костенецкой, кромѣ приверженности къ мистическому эстетизму и экзотикѣ. Такъ, въ третьей главѣ «Разгонъ» къ разсказу М. П. Урошичъ объ играхъ и забавахъ въ женской мастерской я добавилъ народную игру въ «Мадамъ Мавруху», записанную мною въ Казани, лѣтъ 30 тому назадъ. Такъ, Павлу Петровичу Крѣпышеву я подарилъ хрустальнаго пѣтуха, принадлежавшаго въ дѣйствительности нѣкому Ртищеву, богатому помѣщику Лихвинскаго уѣзда, Калужской губерніи, а по смерти его унаслѣдованнаго моимъ дѣдомъ, протоіереемъ Иваномъ Филипповичемъ Чупровымъ. И много другого, что, такъ сказать, удлинняетъ или утолщаетъ «лінію», выявляя ее въ рельефѣ.

Трехъязычность записокъ, ихъ конспективный характеръ и полная беззаботность мемуаристики о связности разсказа заставили меня отказаться, за немногими исключеніями, отъ общей «стилизации» ея повѣствованія въ свойственный ей стенографически скачущій слогъ. А, въ то же время, не хотѣлось мнѣ придавать хроникѣ окончательно характеръ романа манерою искусственнаго разсказа въ третьемъ лицѣ. Поэтому я избралъ для «Сестеръ» тотъ типъ и тонъ полуисторической, полухудожественной лѣтописи, которымъ отличены, на примѣръ, весьма любимыя мною Теккереевы «Записки Барри Линдона»: бытовой разсказъ, въ характерѣ личной исповѣди, ведомой отъ имени ирландскаго джентельмена XVIII вѣка. Вѣдь, какъ въ «Запискахъ Барри Линдона» дѣло, по существу, совсѣмъ не въ самомъ Барри Линдонѣ, а въ удивительной средѣ его удивительныхъ походовъ, такъ

и въ «Сестрахъ», собственно говоря, дѣло совсѣмъ не въ М. П. Урошичъ, а въ томъ, чего она вокругъ себя смолоду насмотрѣлась, натерпѣлась и о чемъ, натерпѣвшись и насмотрѣвшись, надумалась написать.

Въ «Сестрахъ» иногда встрѣчаются имена современныхъ или недавно сошедшихъ съ житейской сцены дѣятелей и писателей, упоминаются Бальмонтъ, Брюсовъ, гр. Ал. Н. Толстой, Лохвицкая и др., романъ даже прямо начинается — вродѣ эпиграфа — колкою фразою покойнаго Д. В. Григоровича. Жду за это обычно дѣлаемаго мнѣ упрека, что я жертвую художественностью «фельетонизму». Но на этотъ разъ не беру на себя вины, потому что М. П. Урошичъ, — подобно большинству начитанныхъ русскихъ женщинъ, да еще при томъ обладая хорошею памятью и широкимъ и разнообразнымъ кругомъ интеллигентнаго знакомства, накоплявшагося около сорока лѣтъ, — любитъ отражать излюбленныя имена въ своей мысли и словѣ: съ кѣмъ поспорить, на кого сошлется, кого кстати помянетъ добромъ, кого лихомъ. Послѣднихъ случаевъ я, впрочемъ, очень избѣгалъ — и, ужъ если никакъ нельзя было обойтись безъ нихъ по ходу разсказа, то оставлялъ только инициалы, а если и они оказывались неудобно прозрачными, подставлялъ далеко уводящій отъ догадокъ псевдонимъ. Если бы я не убралъ, по крайней мѣрѣ, двухъ третей этого разнообразно-именного бисера, то, по обилію его, инныя страницы М. П. Урошичъ напоминали бы полемическія статьи Г. В. Плеханова: извѣстно, что болѣе усерднаго, искуснаго и точнаго цитатора кстати нѣтъ въ русской литературѣ.

Кое о чемъ еще слѣдовало бы предварить читателя, но, такъ какъ это кое-что въ гораздо большей мѣрѣ относится ко второму тому «Сестерь», то и откладываю разговоръ — тѣмъ болѣе, что говорятъ, длинное предисловіе — злѣйшій врагъ книги, а я уже написалъ довольно таки длинное.

Александръ Амфитеатровъ.

Ромъ.
1915. IV 23.

ОТЪ АВТОРА — КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Между первымъ изданіемъ «Гнѣзда», увидѣвшимъ свѣтъ почти въ самый канунъ революціи 1917 г., и настоящимъ вторымъ легла полоса великой исторической катастрофы. Въ ужасахъ ея русская литература замолкла и обмерла. Рабство, голодъ, холодъ, тюрьмы, разстрѣлы оцѣпенили ее, запуганную и измученную, долгимъ летаргическимъ сномъ. Понемногу просыпаясь теперь, подобно сказочной царевнѣ, отъ безглагольнаго омертвѣнія, она видитъ себя перенесенной на чужую сторону и въ условіяхъ жизни, перевернутой вверхъ дномъ. Мы ушли отъ недавняго прошлаго столь рѣшительно и далеко, что едва ли не всѣ наши дореволюціонныя бытописанія принимаютъ теперь характеръ и значеніе «историческихъ романовъ». Къ моей хроникѣ «Сестры» это значеніе приходитъ тѣмъ естественнѣе, что она, построенная на подлинныхъ мемуарахъ, никогда и не имѣла иной цѣли, какъ запечатлѣть въ широкой и подробной бытовой картинѣ нѣкоторую часть стжитаго русскаго времени. Къ сожалѣнію, она, часть эта, — гораздо менѣе давняя, чѣмъ, казалось бы, позволялъ думать ея угрюмый колоритъ, въ сопоставленіи съ внѣшнимъ блескомъ нашей еще вчерашней, но сегодня уже разрушенной культуры. Благосклонный критикъ покойныхъ «Русскихъ Вѣдомостей», рецензируя «Гнѣздо», нашель, что во многихъ бытовыхъ

подробностяхъ романъ даетъ болѣе жуткія впечатлѣнія чѣмъ даже «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова. Я не смѣю и думать о сравненіи своихъ произведеній съ мощнымъ творчествомъ великаго писателя, котораго отъ юности привыкъ почитать главнымъ своимъ учителемъ. Но есть въ «Гнѣздѣ» одно обстоятельство, дѣйствительно, болѣе жуткое для современнаго читателя. Вѣдь эпоха моего романа гораздо позже эпохи «Господь Головлевыхъ», — частію дѣтей, частію непосредственныхъ сосѣдей и наслѣдниковъ крѣпостного права. Вѣдь моя повѣствовательница, М. П. Урошичъ, вошла въ сознательную жизнь, когда періодъ крестьянской реформы даже модный тогдашній романистъ-реакціонеръ В. Маркевичъ опредѣлялъ уже датую «Четѣрть вѣка назадъ». Вѣдь быть и дѣйствіе «Гнѣзда» развивались и наслоялись уже въ Россіи, почитавшей себя свободною и просвѣщенною, а отчасти соприкасаются даже съ Россіей, начинавшей почитать себя «утонченною».

Военно-революціонное семилѣтіе 1914 — 1921 гг. загромоздило нашу память почти непроглядною тьмою новыхъ впечатлѣній. За ними какъ бы спряталась отъ насъ все, что мы дѣлали, что думали до роковыхъ рубежей 19 іюля 1914 года, 27 февраля и 25 октября 1917-го. Пересматривая свой романъ для настоящаго изданія, я имѣлъ совершенно новую, оригинальную для автора возможность — прочитать его заброшенныя страницы съ критическимъ любопытствомъ, словно не свое, а чужое произведеніе. И вотъ, при этомъ-то вглядываніи какъ бы со стороны, я съ особенной силой ощутилъ ту хронологическую жуткость, о которой я толь-

ко что говорилъ. Потому что бытовое безобразіе «Гнѣзда» представилось мнѣ, пережившему соціально-политическое безобразіе русской коммуны, уже не болѣзненнымъ наростомъ, не историческимъ увѣщемъ, какъ почти бессознательное крѣпостническое безобразіе «Головлевыхъ», но — едва ли не органическимъ тяготѣніемъ къ грязи, жестокости и распутству извѣчной и неизбывной азіатчины. Молніи октябрьской революціи освѣтили намъ, какъ былъ тонокъ, жидокъ и непрочень, столь блистательный съ поверхности, слой нашей русской культуры, и какъ мало дорожили имъ бездонныя народныя глубины. Равнодушно, безъ малѣйшаго спора и сожалѣнія, передали онѣ его на растерзаніе шайкѣ насильниковъ-разрушителей и сами, съ величайшимъ наслажденіемъ, приняли участіе въ ломкѣ, попятившей наше отечество на три вѣка назадъ, къ дѣяніямъ и нравамъ Смутнаго Времени. Включительно до голода съ людоедствомъ, какъ при Борисѣ Годуновѣ, включительно до обращенія брака въ случайное схождение двуногихъ самцовъ и самокъ, какъ въ станѣ Болотникова. Кто винить въ томъ народъ, кто интеллигенцію. Я далекъ сейчасъ отъ мысли не только рѣшать сейчасъ этотъ споръ, но даже въ него вмѣшиваться. Но перечитывая въ «Гнѣздѣ» страницы, напоминающія, какія черныя и лживыя бездны таились подъ слоемъ русской образованности и какъ близко отъ его поверхности онѣ уже открывались, я думалъ, что рассказы М. П. Урошичъ явятся теперь, хотя отдаленнымъ, но не лишнимъ историко-бытовымъ комментариемъ къ загадкѣ: почему такъ легко и беззащитно рухнула повсемѣстно старая русская культура? Почему

ея уничтоженіе приняло такой бѣшеный темпъ и—мало сказать — звѣрскій, — радостно-скотскій характеръ? Почему ея искренніе жрецы, представители и борцы не нашли въ хаосѣ родной страны, обращенной въ какую-то огненную трясиину, ни одной твердой точки опоры, и вотъ, въ концѣ концовъ — о, позоръ и горе! — холодная, умная, трезвая мачеха Европа оказывается для нихъ болѣе отечествомъ, чѣмъ весьма пылкая, но совершенно одурѣвшая въ пьянствѣ кровью и грязью, мать Россія...

Въ настоящемъ изданіи я повторяю «Гнѣздо» на рочно безъ всякихъ перемѣнъ противъ перваго, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, гдѣ измѣнившіяся цензурныя условія позволяютъ теперь большую откровенность въ именахъ, титулахъ и фактахъ, чѣмъ возможно было въ 1915—1917 годахъ.

Александръ Амфитеатровъ.

Прага.
1922. II. 1.